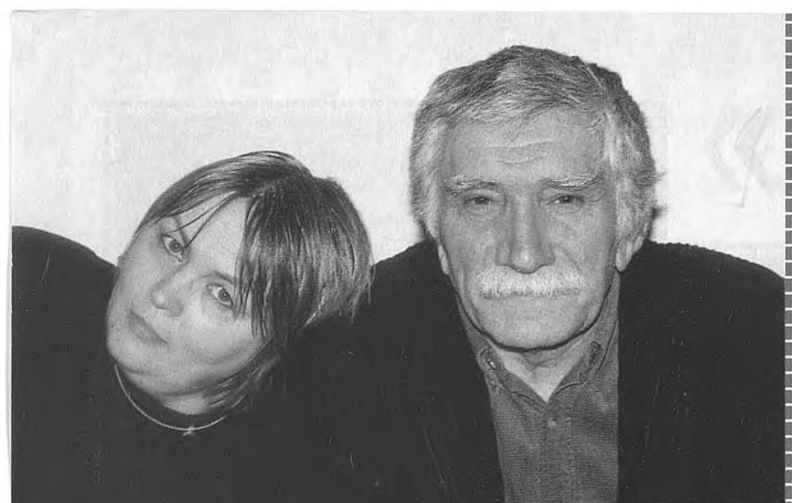

Найдите одно отличие... (с женой Татьяной Сергеевной)

же, у меня были мечты, я хотел успеха и признания. Но вот я, например, услышал однажды историю о том, как одна солистка балета написала в пуанты другой солистке перед выходом на сцену... Я на это (смеется) не способен, но по-своему честолюбив. У меня все сложилось как-то само собой.

— В одном из интервью, процитировав кого-то из мудрых, вы сказали: «Человека обогащает желание, а не обладание». Какое желание обогащает вас сегодня?

— Желание выйти на сцену. Я играю в своем театре, в спектаклях: «Двенадцатая ночь», «Театр живет» и «Последняя лента крепя». Есть у меня еще, как говорят сейчас, два коммерческих проекта. И спектакль «Варвар и еретик» в Ленкоме у Захарова.

— Как вам работаете в Ленкоме?

— Это мощный театр, в котором сегодня сколько великого, столько и наносного, временного. Но мне там интересно, хотя и не могу сказать, что просто. Я многое проверяю там как бы заново: «Способен я еще вот на это или на это или уже старый? Могу ли захватить зрителя?». Так что актерский голод мне не грозит. Безработицы в моей жизни пока, слава Богу, не было. Для меня это самое великое счастье — выйти на подмостки. Это почти... физиологическое удовлетворение. Правда, правда, я ничего не выдумываю. Это же удивительно: на сцене проходит головная и зубная боль, на сцене ты не чувствуешь температуры... Актеры, которые заикаются в жизни, во время спектакля разговаривают нормально. Пребывание на сцене — это поразительное психофизическое состояние, взлет и восторг.

— А часто вы чувствовали, что зал вас не слушает, не понимает?

— Очень часто. Но у меня на этот счет есть свои приемы. Настроение зрительного зала ино-

«Не искупать ли мне красного коня?»

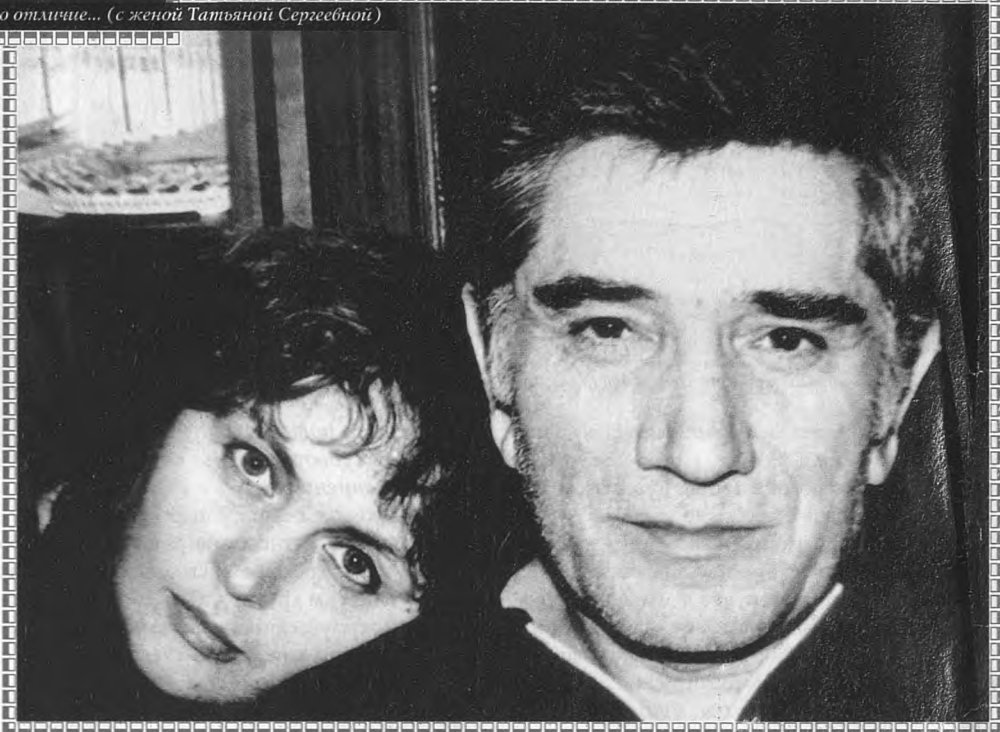

гда очень трудно определить. И вот когда я начинаю чувствовать в себе замешательство, то начинаю либо заигрывать с залом, либо ерничать, издеваться... Кстати сказать, я до сих пор получаю разные письма, в том числе и те, в которых зрительницы награждают меня эпитетами типа «сутулый и крупноголовый», «шимпанзе»... Все очень по-

иностранных языков. Сейчас она помогает мне в театре, она мой заместитель. Она со мной.

— Какой тост вы произнесли бы за молодоженов, чего бы им пожелали, окажись вы на свадьбе?

— Ничего. Ибо каждый проходит этот путь сам. Я люблю в женщине преданность, разум. Я понимаю, что любовь — это великое чувство, но им невозможно управлять. Поэтому сейчас я ценю больше осознанную необходимость друг в друге. Правда, вот уже десять лет мы не проводили отпуск вместе с женой, потому что нашего кота не на кого оставить.

хоже на отношения в любви, но это страшнее, чем любовь. Страшнее, потому что в любви можно договориться, в конце концов, с чем-то смириться, привыкнуть. А в нашем деле ты не имеешь права делать себе скидки, а как только ты к чему-то привык — знай: ты начал медленно умирать... Я в театре сорок три года. 24 января 1955 года я вышел на профессиональную сцену и в пьесе под названием «Иван Рыбаков» сказал свои первые слова: «Товарищ капитан, вам телефонограмма».

Я очень люблю движение вперед, никогда не смотрю картины, в которых я снялся, — для меня это то, что прошло, закончилось, умерло... На то, что уже сделано, жаль тратить время, потому что интереснее думать о том, что будет впереди, искать этот... манок. Пока меня что-то манит вперед, я работаю, я себя ощущаю личностью.

— Сколько лет вашему супружескому союзу?

— Тридцать два года. Моя жена, Татьяна Сергеевна, сначала была актрисой, потом окончила театроведческий факультет, а потом Институт

— Десять лет? Ваша жена еще не объявила вам ультиматум по этому поводу?

— Татьяна Сергеевна любит Фила не меньше, чем я. «Мы в ответе за тех, кого мы приручили». А на самом деле как я отдыхаю? Чем себя выручаю, когда устал или что-то не ладится? Мне удастся выкроить время, чтобы побыть одному. Мне это необходимо. Когда принимаю какое-то сложное решение, что-то отрезаю, мучаюсь, прошу помощи у Бога... Плачу. А так... когда футбол посмотрю, когда книжку почитаю.

— Мужчины-армяне — замечательные кулинары...

— Я не умею не только готовить, я вообще ничего не умею делать руками. Весь дом на жене. В еде я непритязателен, люблю простую пищу. Но иногда мне случается поесть у своих друзей долму или хаш, до отвала. А потом я мучаюсь неделю...

— Какую из сыгранных ролей вы считаете вершиной?

— Не знаю. Это может выясниться в лучшем случае после моей смерти.

— А в худшем?

— А в худшем это не выяснится вообще. Я не кокетничаю. Я еще хочу сыграть много ролей, и кто знает, какая будет вершиной?

Наталья Васина
Фото Сергея Москалева
и из личного архива А. Джигарханяна